
Антонов К. М. Интеллектуальная культура и религия в русской мысли: политические и поэтические аспекты : размышления по поводу книги О. А. Жуковой о творчестве и религиозности в русской культуре // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 273–283.

Константин Антонов*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ В РУССКОЙ МЫСЛИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ КНИГИ О. А. ЖУКОВОЙ
О ТВОРЧЕСТВЕ И РЕЛИГИОЗНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. — М. : Согласие, 2022.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-273-283.

Проблема религиозного обоснования творчества — одна из центральных, если не вообще главная, для русской религиозной мысли конца XIX и начала XX века и это, несомненно, один из поводов для того, чтобы называть эту эпоху, следуя Н. М. Зернову, «русским религиозным возрождением» (Зернов, 1991). Смысл понятия «возрождение» тут двоятся: он и просто фиксирует активизацию и взрывной рост религиозной жизни и, в особенности, религиозной мысли, обращение, если не к Церкви, то к религии значительного количества выдающихся интеллектуалов эпохи, и, вместе с тем, несомненно, вольно или невольно, отсылает и к эпохе Возрождения, с ее пафосом религиозно обоснованного творческого самосознания и повышенным интересом к достижениям античной культуры, в том числе, в религиозно-мистической сфере. Как писал в «Русской идее» Н. А. Бердяев: «Элемент ренессанский у нас только и был в эпоху Александра I и в начале XX в.» (Бердяев, 1971: 27).

Именно этой проблематике посвящена новая монография О. А. Жуковой, развивающая темы двух предшествующих трудов, посвященных осмыслению отечественной традиции философии культуры (Жукова, 2017; 2019). В центре внимания автора стоит важнейший вопрос о том,

* Антонов Константин Михайлович, д. филос. н., доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), konstanturg@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0982-2513.

** © Антонов, К. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

что происходит, когда культура традиционно-религиозного типа, в центре которой стоит проблема личного спасения (причем, в том числе, стоит и как культурный идеал), такая как русская культура допетровского времени, переживает специфический опыт секуляризации, т. е., прежде всего, в данном случае, дифференциации культурных символических систем, сохраняя при этом тему спасения в качестве одной из основополагающих для себя. Автор полагает, что на первое место в этом случае выходит тема антропологии как «оправдания творчеством».

Каким образом преломляется принцип взаимообусловленности религиозности и форм художественного творчества, характерный для культуры с доминантой религиозного типа сознания, в рамках культуры светской, ориентированной на произведение как продукт авторского творчества, где между идеальным образом замысла и художественным образом произведения стоит не себя являющий Первообраз, а творческая воля и идейные установки автора?

Задаваясь указанным вопросом, автор книги предполагает проследить проявление этого принципа в воспроизведении религиозного смысла творчества (с характерным опытом трансцензуса) в структуре морального, эстетического и политического сознания (Жукова, 2022: 17–18).

Обращение к религиозному обоснованию «смысла творчества» для русских мыслителей той эпохи было, как полагает автор, и способом осуществления преемственности между традиционной религиозной и современной светской культурой, и «способом философского оправдания христианской истины» (там же: 18) — разумеется, в той мере, в какой они сами эту истину принимали и понимали. Так или иначе, нельзя не согласиться с тем, что проблема религиозного оправдания личного творчества стояла в центре внимания русских мыслителей (и деятелей) начала XX века — и в художественной, и в политической, и в церковной сфере. Остается, однако, открытым вопрос о том, насколько в поисках решения этой проблемы русские мыслители действительно осуществляли преемственность с традицией, а насколько — эту традицию заново изобретали, пересобирая отдельные элементы в качественно новое, «модерное» целое¹?

Эта тема соотношения преемственности и разрыва между православной традицией и светской культурой (в том числе, и с русской религиозной мыслью) красной нитью проходит через работу, и явным образом автор склонна подчеркивать и разрабатывать в деталях скорее

¹Как это продемонстрировано, напр. Ваганова, 2014: 81–91.

элемент «преемственности духовно-творческого опыта» (см., напр.: Жукова, 2022: 66–68), не слишком углубляясь в вопрос о том, насколько современными были те механизмы, с помощью которых русские авторы щедрой рукой черпали из православия те ресурсы, которые они затем использовали для столь же современного, по существу, самообоснования. Тем не менее, автор отдает себе отчет в наличии «конфликта новационного творчества и религиозной традиции», который, как она полагает, преодолевается целостностью «постоянно воспроизводимого специфического соотношения религиозных и секулярных интенций творчества» (там же: 63–64). И все же кажется важным задаться здесь, применительно к русской культуре, вопросом, поставленным Ч. Тейлором в отношении культуры западноевропейской. А именно: не является ли религиозность, сопоставленная с секулярностью, уже чем-то совсем иным, чем религиозность традиционная, безальтернативно господствующая в культуре, ни о каких «имманентных рамках» и логиках не подозревающая? Не отличаются ли друг от друга такие, «наивная» и «сентиментальная» — в смысле Шиллера и Шеллинга — религиозности столь же сильно, а может быть и сильнее, чем, соответственно, «наивное» и «сентиментальное» искусство?

Книга приглашает к размышлениям на эти и подобные темы, приглашает своеобразно. Заметим, что хотя читается книга по большей части довольно легко — воспринимается она сложно. В особенности у профессионального историка философии дискурс автора может вызвать недоумение и даже отторжение: классический историко-философский анализ в книге встречается, но не преобладает, порой теряется за культурологическими рассуждениями, предметом обсуждения часто становятся не столько идеи, сколько опирающиеся на них практики. Связанные с этим недоумения автор разрешает в Заключении к книге, в котором не только подводятся содержательные итоги, но и эксплицируется методология проделанной работы.

Автор работает в рамках традиций интеллектуальной и культурной истории, но развивает в рамках этих традиций не дискурсивный или институциональный, а «лично-ориентированный подход». В центре внимания автора: не история «социальных процессов и институтов», а «история идей и людей, генерирующих данные идеи и воплощающих их в творческом опыте и практиках культурного строительства» (там же: 506). Не покушаясь на идентичность философии, как особого рода интеллектуальной деятельности, в русской культуре достаточно поздно обретающей статус автономной культурной подсистемы, автор

сознательно выходит за ее рамки, обращаясь к поиску «философских смыслов»

в художественных произведениях и эссе, оригинальной эссеистике, травелогах, мемуарных свидетельствах, иных источниках, где предмет исследования локализован событиями творчества, погруженными в биографический контекст (Жукова, 2022: 506–507).

Это позволяет увидеть философские идеи и в процессе их зарождения, и в их работе в разнообразных культурных и социальных практиках. Посмотрим, насколько удастся автору этот замысел.

Книга состоит из двух частей, каждая из которых, в свою очередь, имеет общетеоретическую вводную главу и набор глав, в которых обсуждаются конкретные кейсы. В них предложенная автором сложная оптика реализуется на эмпирическом материале из истории русской мысли и русской культуры вообще.

В первой части «Историческая динамика русской культуры: религиозные ценности, общественные идеалы и культурно-политические практики» общетеоретический раздел обсуждает как раз описанную выше проблематику преемственности и конфликтности и прослеживает историческую динамику религиозных идеалов и творческих практик от Древней Руси через период петровских реформ к XIX веку и далее — к русскому религиозному ренессансу и даже к советской и постсоветской культуре. Автор предлагает «модель исторической динамики культуры» в рамках которой культурологическая, историко-философская и художественно-эстетическая периодизации накладываются друг на друга, что позволяет формировать содержательно насыщенные идеальнотипические модели соотношения религиозности и творчества, традиции и новации в русской культуре. Они в дальнейшем служат рамкой для более конкретных и специальных анализов. Вторая глава также носит обобщающий характер, однако здесь автор прослеживает социокультурную динамику русской религиозности, от «религиозно понимаемого акта творчества», реализующегося в контексте мистико-аскетической традиции к культурной дифференциации и секуляризации — а потом и десекуляризации — культуры на примере

истории Николо-Угрешского монастыря, весьма показательной для выявления процессов сакрализации и десакрализации базовых ценностей отечественной культуры как маркера ее ментальных и социальных трансформаций (там же: 85).

К этим двум разделам примыкают не только характерные с точки зрения иллюстрирования авторского подхода, но и весьма ценные и сами по себе кейсовые исследования, посвященные, соответственно, сопоставлению «философий России» А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского, между которыми автор обнаруживает не только вполне очевидное полемическое противостояние, но и более скрытое взаимное притяжение, проблеме религиозного обоснования политического творчества в дискуссиях о свободе совести (М. М. Стахович, В. Ф. Эрн, В. А. Караулов), в «женской» либеральной политике начала XX века (Панина и Тыркова-Вильямс), в осуществленных П. Б. Струве поисках национальных идеалов в культуре и политике.

Особенно стоит отметить разделы, посвященные политической мысли Стаховича, Эрна и Караулова и «практикам общественного строительства» Паниной и Тырковой-Вильямс.

В интересном анализе реакций на известную речь М. М. Стаховича о свободе совести, автор, кажется, упустила, все же один любопытный момент: поразительное сходство позиций Л. Н. Толстого и св. Иоанна Кронштадтского, по крайней мере в двух пунктах: (1) они оба считали, что православная Церковь не приемлет идею свободы совести (хотя и по разному оценивали этот факт) и (2) они оба очень низко ставили идею политической свободы как таковую, основной акцент делая на личном религиозном подвиге — будь то нравственное самоусовершенствование Толстого или спасение души у св. Иоанна. При наличии столь мощного и авторитетного противодействия неудивительно, что предлагаемый Стаховичем «третий путь», при всей его симпатичности, оказался в то время маловостребован. Из двух других героев этого раздела ранний Эрн как политический мыслитель известен не очень хорошо, но все же известен, в то время как совершенно неизвестен В. А. Караулов, которого автор, фактически открывает современному читателю как яркий пример практического воплощения идеи христианской политики. Караулов, конечно, не был религиозным философом, автором религиозно-философских произведений, однако, как и Стахович, он был, судя по всему, их «идеальным читателем», человеком, воспринявшим и попытавшимся реализовать намеченную Соловьевым и его продолжателями идею соединения церковного христианства и любви «к политической свободе и ее правовым формам» (Жукова, 2022: 211) в политической практике.

Это же можно сказать и о героинях следующего очерка: гр. С. В. Паниной и А. В. Тырковой-Вильямс. Обе они, каждая по-своему, предложили и попытались в конкретной общественной и политической дея-

тельности реализовать «христианско-либеральную по своему идейно-теоретическому ядру и практическому осуществлению» программу, в которой соединялись «строительство общества» и «забота о спасении человека» (Жукова, 2022: 224). Ни «Народный дом» и общественная деятельность Паниной, ни правокадетский политический активизм Тырковой-Вильямс (и ее дальнейшая литературная деятельность, которую автор удачно характеризует как опыт философской самокритики) не могли бы состояться без религиозно-философского переосмысления религии, творчества и политики, осуществленного в русской мысли той эпохи. Это, несомненно, один из наиболее удачных и увлекательно написанных разделов, в котором автор совершает настоящее открытие — не потому, что Панина и Тыркова-Вильямс совершенно не были известными историкам, а потому, что впервые предлагает историко-философский и культурологический анализ их деятельности и творчества.

Вторая часть «Самосознание русской культуры: творчество и религиозность в художественной и философской традиции» ориентирована на взаимодействие философии и религии не столько с политическими практиками, сколько с особого рода художественной рефлексией и с поэтическим мышлением.

В вводной главе «Творчество и религиозность как эпистемологическая проблема» автор делает попытку предложить комплексный подход к феномену творчества, как порождающей культуру способности человека, найти точки пересечения философии творчества, дающей его религиозно-онтологическую трактовку (здесь автор обращается к очень широкому кругу авторов: Платон, Иоанн Златоуст, Пико делла Мирандола, Вазари, Кант, Гердер, Дильтей, Вл. Соловьев, Хайдеггер, Лосев, К. Ранер, Вяч. Иванов) с современными психологическими концепциями человеческой креативности (А. Леонтьев, П. Гальперин, А. Давыдов, Л. Выготский, Я. Пономарев, Е. Торранс, К. Тэйлор, Дж. Гилфорд, К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Мэй и А. Ротенберг). На этой основе автор предлагает свое видение философии искусства, в котором искусство предстает, прежде всего, как своеобразное «художественное мышление», особый способ познания, как художественная рефлексия, «продуктивный процесс понимания и воспроизведения мира как некоего *идеального объекта*» (там же: 319).

Отсюда, опираясь на описанное в предыдущей части понимание исторической и социокультурной динамики, автор ставит вопрос об установлении связи религии и культуры, о религиозном оправдании искусства

и творчества в русской мысли, причем в мышлении не только фило-софов, но и поэтов.

На этом фоне кажется на первый взгляд неожиданным, что первая конкретизирующая глава второй части посвящена идеям и деятельности А. В. Головнина — министра народного просвещения России и главного архитектора университетской реформы 1863-го года. Здесь особенно хорошо видно, как работает авторский подход к истории интеллектуальной культуры: последняя предстает здесь как *«констелляция творческих опытов ее создателей»*, благодаря своей личной творческой активности выступающих конструкторами ее институтов и генераторами идейных процессов» (Жукова, 2022: 329). И в этом смысле, раздел, снова открывающий практически неизвестную в истории мысли фигуру, снова ставящий проблему религиозных оснований политической деятельности, оказывается совершенно на своем месте: философия образования, практически развиваемая Головниным в рамках университетской реформы 1860-х годов становится основанием системы либерального образования в России и, тем самым, толчком к становлению основного потока системного религиозно-философского мышления, представленного именами Вл. Соловьева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, Л. М. Лопатина и других мыслителей последней трети XIX века, эпохи развития русской философии, обозначенной прот. В. В. Зеньковским как «период систем».

Следующие главы носят более специальный философский характер: они посвящены соответственно, заочной дискуссии с Л. Н. Толстым, которую вел на протяжении своей жизни Н. А. Бердяев и интеллектуальной биографии Л. П. Карсавина.

Не ставя под сомнение ценность первой из них и всячески поддерживая идею автора о конституирующем влиянии этических идей Толстого на становление бердяевской мысли, хочется отметить один, как кажется, не замеченный автором момент: существенное позитивное изменение отношения Бердяева к Толстому, произошедшее по итогам дискуссии вокруг книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою»². Зато большой интерес представляет здесь своеобразная «вставная новелла», относящаяся уже к 50-м годам XX века и посвященная дискуссии А. В. Тырковой-Вильямс и В. А. Маклакова о Толстом (там же: 367–368).

Раздел о Карсавине представляет собой увлекательно написанную интеллектуальную биографию мыслителя, особый интерес в которой представляет тот факт, что за основу реконструкции развития его

²См. мою статью Антонов, 2023.

мысли автор берет лагерный трактат «О совершенстве», равно как и подчеркивание художественных элементов в структуре карсавинской мысли. При этом, как кажется, автор недооценивает роль игрового элемента, «театральности и эстетических жестов» (Жукова, 2022: 395) в мышлении Карсавина, для которого такие моменты, как стилизация, мистификация, автопародия, самоирония были в высшей степени характерны (см., напр.: «София земная и горняя», «Глубины сатанинские» и проч.) и вполне органично сочетались в нем с предельной серьезностью и ответственностью, связанными, в том числе, с постоянной тематизацией смерти. В этом смысле характеристика Карсавина как «медиевиста русского модерна» (М. А. Бойцов) представляется в высшей степени удачной.

Следующие три главы посвящены раскрытию проблематики религии, творчества и культуры в художественной рефлексии трех выдающихся русских авторов XX века: Б. Зайцева, О. Манделъштама, Б. Пастернака.

Основной сюжет первого очерка — внутренний диалог, который русская и европейская (прежде всего, итальянская) культура, а более конкретно — «калужско-московско-тульская» «Святая Русь» и Флоренция Данте вели в сознании выдающегося писателя.

В Манделъштаме автора интересует прежде всего оригинальная философия творчества, вписанная в философские и религиозные искания первой половины XX века, «создание рефлексивного стиля современной поэзии», для которого характерно «преодоление программных установок эстетики модернизма» (там же: 432). Для реконструкции этой поэтической философии автор предпринимает своеобразную апологию акмеизма как «метафизической программы», оппонирующей символистской архаизации и футуристическому нигилизму. На этом фоне художественное мышление Манделъштама предстает как «особая форма духовного опыта». Для понимания истоков творчества Манделъштама автор использует оптику Маритена, Хайдеггера, Вейдле и Библера, пытаясь перейти от целостного художественного творения, существующего в контексте культуры, открытого диалогу культур, к его допонятийным истокам. В противоположность Святополк-Мирскому, отмечавшему ценность прозаических эссе Манделъштама, автор настаивает на философском значении его поэзии и присущего ему специфического «этоса творчества», «вовлеченного в непосредственную целостность исторического опыта», соединяющего кажущихся разделенными «духовной и художественной пропастью» уточненного петербургского акмеиста и ожидающего последнего ареста воронежского ссыльного (там же: 464).

Тема поэтической философии продолжается в завершающем книгу очерке, посвященном Б. Пастернаку. Как и Мандельштам, Пастернак осваивает основные достижения модернизма, но «со временем приходит к новой версии классики» (Жукова, 2022: 469). Здесь также акцентируется нравственное измерение поэтического мышления и духовного пути поэта-философа, который «подчинил нравственной воле поэтическую интуицию» и создал «религиозно понимаемую эстетику творчества» на основе «религиозного христианского этоса» (там же: 495), не утрачивая при этом, добавим от себя, дара поэтической автономии, абсолютной творческой свободы поэта. Не случайным кажется факт, что дети философов-эмигрантов — В. Франк и Г. Струве дружно встают на защиту «Доктора Живаго» оппонировав его критикам во внутриэмигрантской дискуссии.

Русские поэты, настаивает автор, создают экзистенциальную метафизику творчества, конгениальную философскому экзистенциализму Хайдеггера, Марселя, Бердяева. Именно она позволяет «сохранить преемственность традиции через работу творческого рефлектирующего сознания в горизонте духовного Абсолюта» (там же: 485).

В заключение вернемся к обсуждению книги в целом. Автор не просто пишет очередную историю русской мысли, она ставит себе задачу «философской реконструкции культурной истории России через историю творческих опытов — персональных интеллектуально-духовных прецедентов творчества» (там же: 508), акцентируя религиозные истоки и аспекты этих опытов. Такая задача, принятая всерьез, очевидно, подразумевает многотомную серию, в которой становление русской культуры раскрывалось бы через анализ мысли и деятельности ее представителей — философов и богословов, поэтов и писателей, художников и композиторов, государей и министров, священников и епископов... — нечто аналогичное «Типам религиозной мысли в России» Бердяева, но еще более широкое и более ориентированное на практическое воплощение мысли в жизни. Непосредственно автор не ставит перед собой такой задачи, ее интересует прежде всего вполне определенный тип отношения к традиции, который она с полным правом считает наиболее продуктивным, однако в постановке и реализации такой задачи автору уже принадлежит решающий вклад.

Книга несомненно займет свое место в ряду современных исследований, совмещающих «понимающий» анализ конкретных кейсов со стремлением к созданию обобщенной картины становления русской мысли и выявлением механизмов, «объясняющих» это становление, она

вносит существенный вклад в самосознание русской культуры, в наше стремление к целостному и критическому познанию нашего прошлого, придающему смысл нашему пребыванию в настоящем.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов К. М.* Этика долга и проблема сопротивления злу в русской мысли // Кантовский сборник. — 2023. — Т. 42, № 1. — С. 10–51.
- Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. — Paris : YMCA-Press, 1971.
- Ваганова Н. А.* Воля к Софии и церковность в творчестве о. Павла Флоренского // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2014. — Т. 55, № 5. — С. 81–91.
- Жукова О. А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. — М. : Согласие, 2017.
- Жукова О. А.* Опыт о русской культуре. Философия истории, литературы и искусства. — М. : Согласие, 2019.
- Жукова О. А.* Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. — М. : Согласие, 2022.
- Зернов Н. М.* Русское религиозное возрождение XX века. — Paris : YMCA-Press, 1991.

Antonov, K. M. 2024. "Intellektual'naya kul'tura i religiya v russkoy mysli: politicheskiye i poeticheskiye aspekty [Intellectual Culture and Religion in Russian Thought: Political and Poetical Aspects]: razmyshleniya po povodu knigi O. A. Zhukovoy o tvorchestve i religioznosti v russkoy kul'ture [Some Reflections on O. A. Zhukova's Book on Creativity and Religiosity in Russian Culture]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 273–283.

KONSTANTIN ANTONOV
DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
ASSOCIATE PROFESSOR

ST. TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-0982-2513

INTELLECTUAL CULTURE AND RELIGION IN RUSSIAN
THOUGHT: POLITICAL AND POETICAL ASPECTS
SOME REFLECTIONS ON O. A. ZHUKOVA'S BOOK
ON CREATIVITY AND RELIGIOSITY IN RUSSIAN CULTURE

ZHUKOVA, O. A. 2022. *TVORCHESTVO I RELIGIOZNOST' V RUSSKOY KUL'TURE. FILOSOFSKIYE ISSLEDOVANIYA [CREATIVITY AND RELIGIOSITY IN RUSSIAN CULTURE. PHILOSOPHICAL INVESTIGATIONS]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: SOGLASIYE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-273-283.

REFERENCES

- Antonov, K. M. 2023. "Etika dolga i problema soprotivleniya zlu v russkoy mysli [From Kant to Frank. The Ethic of Duty and the Problem of Resistance to Evil in Russian Thought]" [in Russian]. *Kantovskiy sbornik [Kantian Journal]* 42 (1): 10–51.
- Berdyaev, N. A. 1971. *Russkaya ideya. Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX i nachala XX veka [The Russian Idea]* [in Russian]. Paris: YMCA-Press.
- Vaganova, N. A. 2014. "Volya k Sofii i tserkovnost' v tvorchestve o. Pavla Florenskogo [The Will to Sophia and Ecclesiasticism in the Work of Father P. Florensky]" [in Russian]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies]* 55 (5): 81–91.
- Zernov, N. M. 1991. *Russkoye religioznoye vozrozhdeniye XX veka [Russian Religious Renaissance of the XX Century]* [in Russian]. Paris: YMCA-Press.
- Zhukova, O. A. 2017. *Filosofiya russkoy kul'tury. Metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii [Philosophy of Russian Culture. The Metaphysical Perspective of Man and History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasie.
- . 2019. *Opyt o russkoy kul'ture. Filosofiya istorii, literatury i iskusstva [An Essay on Russian Culture. Philosophy of History, Literature and Art]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasie.
- . 2022. *Tvorchestvo i religioznost' v russkoy kul'ture. Filosofskiye issledovaniya [Creativity and Religiosity in Russian Culture. Philosophical Investigations]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasie.